

Бетховен в жемчужной оправе

Культура. — 1997. — 29
март. — с. 13

ГАСТРОЛИ

Пальцев одной руки хватит, чтобы сосчитать наших концертирующих пианистов, отваживавшихся взяться за исполнение всего цикла бетховенских фортепианных сонат. Самуил Фейнберг, Мария Гринберг, Михаил Вознесенский и Татьяна Николаева. Вот, пожалуй, и все. Так что, естественно, предложенная молодым чилийским пианистом Альфредо Перлом гастрольная афиша в Москве в Рахманиновском зале — "32 сонаты Бетховена" — вызвала живейший интерес. Тем более что гастроль должны были уложиться в рекордные сроки: семь концертов за три недели!

Мариам ИГНАТЬЕВА

Правда, рекордами сейчас трудно удивить, и они в моде не только в спорте. Недавно где-то промелькнуло сообщение о том, что в одном из лондонских залов пианист Филипп Кассар исполнил все фортепианные сочинения Дебюсси, начав концерт в 11.30 и закончив в 21.45. Ну чем не марафон? Что касается Альфредо Перла, то его рекорд был вынужденным: в Москву не наездиться — гастроль нынче недешевы. Вот так и получилось: каждые два дня концерт, пять сонат за вечер.

— Я не стал соблюдать хронологию — строил программу так, чтобы наиболее ясно показать эволюцию бетховенского стиля: усиливающуюся напряженность письма, философское углубление содержания, контрастную динамику, экспрессию интонирования; продемонстрировать, как разительно менялось понимание композитором классической сонатной формы, — объяснил свой замысел Альфредо.

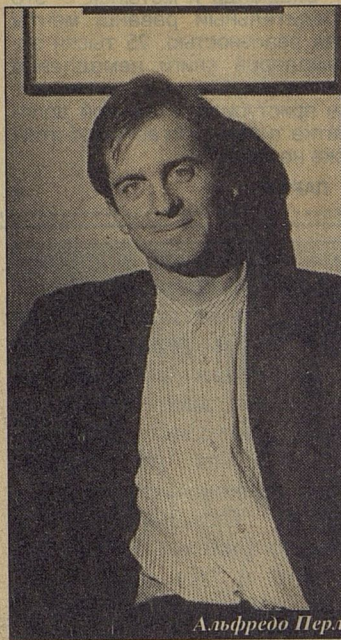
Романтик, очень искренний, эмоционально открытый — таков в общих чертах "исполнительский" облик этого пианиста. (Правда, этот романтик признался, что никогда не сыграл ни одного сочинения Шопена. Играть эту музыку сентиментально-слащаво, как это нередко бывает, он не хочет, а истинных ее глубин он, по его мнению, еще не постиг). Главное — Альфредо Перл не боит-

ся быть самим собой. Как чувствует, "как дышит", так и играет. Но никаких нарочитых ускорений или замедлений, никакого свободного изменения темпов или "перенасыщенной" динамики.

— Исполняя Бетховена, ничего не надо придумывать, добавлять, — убежден пианист. — У него самого в текстах очень много подтекста — деталей, штрихов, вроде незначительных, а на самом деле весьма существенных. Сумеешь услышать их, выявить, подчеркнуть — вот и будут новые краски! Впрочем, порой мне кажется, что я слишком традиционен и даже сух, сдержан.

Чего-чего, а вот уж сухости и сдержанности у него нет. Подголосочные мелодические обороты, неожиданно прочерченные в басах, в непрерываемой мелодической линии аккордов, делают музыкальную ткань богаче. А предельно обостренные контрасты "спорящих" между собой тем и внутри каждой части сонаты, и между частями и, наконец, сосуществование в одной программе сочинений разных по образному строю, структуре усиливают драматическую напряженность колорита, придают динамику, экспрессию речи, в которой ораторский пафос может мгновенно смениться нежнейшей лирикой, а глубокая, серьезная мысль "утонуть" в легком, блистательном пассаже.

Пусть иногда (крайне редко) в патетических эпизодах у пианиста появлялись листовские реминисценции, пусть иной раз проступал шуманов-

Альфредо Перл

ский приподнятый романтизм — это не разрушало бетховенский стиль, не воспринималось инородным. Бетховен, истый "провидец", своей музыкой предсказывал будущее, а Перл чутко улавливает предсказания гения и открывает их слушателям. Свежо, по-новому прозвучали даже те сонаты, что давно обросли исполнительскими штампами, — "Патетическая", "Лунная", "Аппассионата".

Рояль у пианиста звучит особо, по-своему: то совсем нежно, прозрачно, кажется, слышишь прелестные соло скрипок, флейт, и вдруг врываются мощь органа, оркестровое tutti...

Альфредо Перл приехал на гастроль в Москву из Лондона, где выступал с такой же программой, а до Лондона — в Сантьяго. Безусловно, нагрузка — психическая, эмоциональная да и физическая тоже — огромная. Как пошутил артист, настолько велика, что голова "стала квадратной" и ни одна шапка теперь на нее не налезет! Но он очень рад, что встретился с московской публикой. Она — тоже.